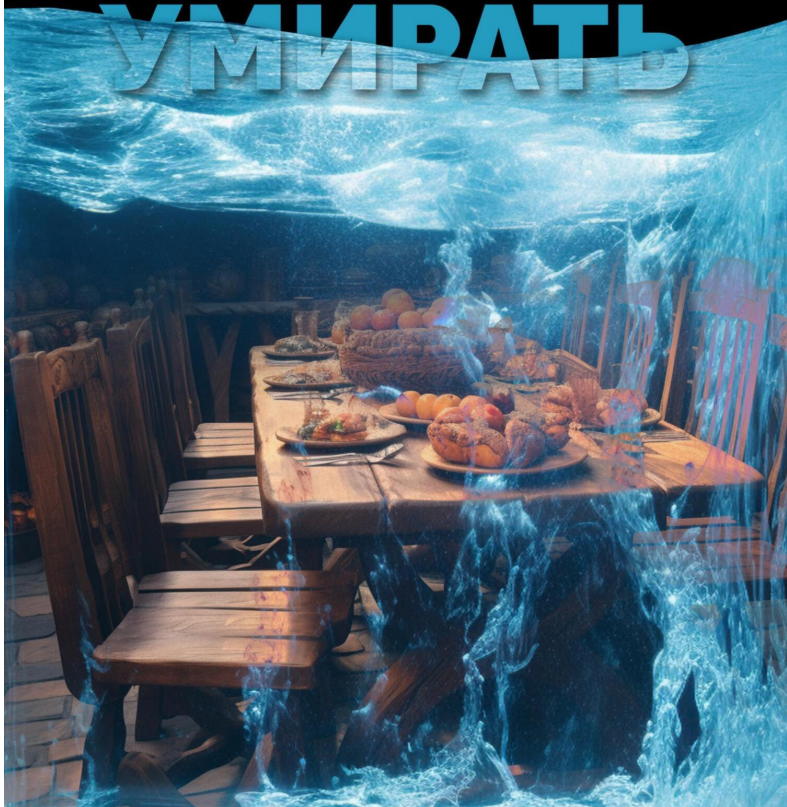

КОЩЕЕВА АЛЁНА ИЛЬНИЧНА

НИКТО НЕ ХОЧЕТ

УМИРАТЬ

Алёна Ильинична Кощеева

Никто не хочет умирать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69810388

SelfPub; 2023

Аннотация

Саша работает помощником сантехника в управляющей компании. Вместе с напарником он доставляет радиаторы в мастерскую художника, который пишет жуткие картины. На следующий день Саше приходится одному ехать на установку. Он видит, что хозяин не убрал тумбочку и к батареям не подобраться, но понимает, что не может выйти из комнаты...

Алёна Кошечева

Никто не хочет умирать

Осенний ветер неловко заглядывал в Газель и моментально вытеснялся табачным дымом. Саша отвернулся к окну, чтобы вдохнуть воздуха с улицы. Пыльного от дороги, но не настолько ядовитого, как облака витающие в машине. Хотелось спать. В мышцах накопленная усталость работы без выходных. Иван Петрович сегодня не по-человечески раздражал.

– И думаешь, где она столько денег взяла? – мужчина за рулём кивнул на белый бликующий на солнце Мерседес.

Саша уныло оглядел машину и пожал плечами. «Заработала, наверное... Может у неё лакшери бутик» – подумал он, но промолчал.

– Та! Всем известно, откуда у таких деньги берутся, – с видом знатока сказал Иван Петрович и повернул на узенькую улицу, – молодой ты ещё, Саня, наивный.

Глаза мужчины усмехнулись, как бы говоря «Я знаю жизнь и буду делиться со всеми своим мнением при любой возможности». Машина остановилась возле ворот в двор-колодец. Саша зевнул, потянулся и отчего-то с нежностью подумал о жене. Купить вечером ей цветов? Порадовать.

– Поживёшь с моё, – продолжил Иван Петрович, – сына вырастишь и всё поймёшь.

Наверное, шестидесятилетний мужчина думал, что каждая морщина его лица говорит о мудрости прожитых лет. Но для Саши они говорили лишь о том, что у напарника случаются запои.

– Иди, открывай, – Иван Петрович снова закурил.

Саша выскочил из Газели и с наслаждением вдохнул. Улица что-то по-утреннему нашептывала голосами проходящих по ней людей. Перед носом машины черная металлическая калитка с кодовым замком.

«2212» – нажал Саша залипающие цифры и за ними букву «К». Створки открылись и он прошмыгнул в арку. Окутала бетонная прохлада. На стене красным замигала кнопка. Он нажал её и ворота плавно, с заунывным скрипом, распахнулись. Саша зазывающе махнул Ивану Петровичу. Газелька дернулась вперед, но затем зарычала, напряглась и сдала назад. Резко развернулась по пустой дороге и попятилась в арку.

«Ну да, – кивнул сам себе Саша, – так проще будет выгрузить, да и выехать потом». Он прогулочным шагом пошел к подъезду, оглядел двор. Ухоженные клумбы с яркими цветами, в центре миниатюрный облезлый фонтанчик, вокруг него четыре лавочки. Пустые урны говорили, что здесь редко кто сидит. Наверное, даже бабушкам в закрытом дворе скучно. Кого же тут обсуждать?

Петрович вышел из машины с сигаретой в зубах и громко хлопнул дверью. От стен домов отскочило эхо так, что, на-

верное, все жители уже были в курсе их приезда.

– Давай шустрее, еще на три адреса ехать, а в обед у меня партия, – недовольно крикнул напарник и Саша поторопился.

Подскочил к подъезду, набрал «39». «Пилиу-пилиу-пилиу» – отозвался домофон, а вслед за ним и неприятный мужской голос.

– Батареи привезли, – сказал Саша и замок открылся.

Иван Петрович в резиновых шлепках на носок, шортах и рубашке походил на пенсионера в санатории. Не хватало только панамы.

– Ты гляди, фонтан у них. Небось и дворецкие по вечерам на лавку чай приносят в фарфоровых чашках. – ядовито бормотал напарник, – Илита, блин.

«Илита» – усмехнулся Саша, вздохнул и заглянул в подъезд. Нашел увесистый камень и зафиксировал дверь нараспашку.

– Какой этаж? Третий?

Мужчина кивнул, бросил окурочок на асфальт и затушил тапком.

– Ну Иван Петрович, – вздохнул Саша, – урна же рядом.

– Сына своего учить будешь, а не меня. Чисто там, где убирают, а мусорят везде.

Высокие окна-глазницы домов смотрели укоризненно. Саша заскочил в кузов Газели и подтащил радиаторы. Спрыгнул, схватился за край. Иван Петрович, несмотря на

возраст и зальсину, был крепким. Он ловко взялся за другую сторону и напарники занесли в подъезд две чугунные батареи. На первом этаже замер покрытый узорчатой кафельной плиткой старый камин. Он выглядел уныло, будто тосковал о временах, когда использовался, а не был частью декора.

– Интересно, почему чугунные? – с одышкой сказал Саша.

– Я в твоём возрасте знаешь сколько таких таскал? По тридцать штук за день, на спину одну закинешь и потащил. Ну и молодежь...

«Да-да, на спину...По тридцать штук в день...» – засомневался Саша и улыбнулся. Доля правды, наверное в этом была. Всё же сейчас он сам задыхался больше, чем курящий и пьющий шестидесятилетний Иван Петрович.

– Ладно, идемте, – выдохнул Саша.

Ступени казались издевательски длинными. Хорошо, лестница широкая. Один пролёт. Передышка. Второй. Кажется, со лба по черным отросшим волосам стекает пот. Рабочие ботинки давят, джинсы кажутся неудобными. Саша облокотился на подоконник. Окинул взглядом ухоженный садик во дворе. Иван Петрович достал из нагрудного кармана пачку. Закурил. Серые волны кружились под потолком и резко выскакивали на свежий воздух через старое деревянное окно.

– Потому, что моё поколение считает, такие лучше греют, – сказал напарник, потушил окурок об стену и выбросил его в форточку.

– Сколько можно заносить эти несчастные батареи? – эхом отскочил неприятный голос сверху.

Саша выглянул через перила и увидел на третьем этаже мужчину с серой бородой-лопатой, серебристыми взъерошенными волосами и в очках с толстой оправой. Он нервничал, был напряжен.

– Нет, ну смотри, стоят курят, – через плечо сказал кому-то мужчина.

Напарники переглянулись и недовольно потащили батарею. Наверху громко хлопнула дверь.

– Поставим, – вздох, – на этаже и принесем, – вздох, – вторую, – пыхтя сказал Саша.

Когда обе секции были на месте, Саша отстучался хозяевам. Зашуршали шаги. Женский голос спросил «Кто там?» и дверь открылась.

Пышная дама разочарованно посмотрела на напарников, выглянула в подъезд и кивнула.

– Валя! Принесли! – крикнула она и поплыла в дальнюю комнату.

Вместе с запахом разбавителя и масляных красок появился тот самый взъерошенный мужчина в очках. На нём был измазанный красным фартук из мешковины, грязные потертые тапки, а в руках широкая кисть. Хозяин смотрел исподлобья и этот взгляд обдавал леденящим ощущением его превосходства над рабочими. Лицо Саши сделалось острым, угловатым, как всегда, когда оно чувствует возможный кон-

фликт.

– Куда ставить? – по-свойски узнал Иван Петрович.

Мужчина интеллигентно-едко попросил занести в комнату и даже не подумал придержать дверь. Она то и дело норовила захлопнуться, мешала. Ноздри Саши всё сильнее по-бычьему раздувались. Всезнающий Петрович был отчего-то спокоен. Радиаторы уместились у единственной свободной стены комнаты. Деревянный пол с большим усилием выдерживал вес радиаторов. Казалось, вот-вот доски провалятся и обнажат мышинные лазы между этажами.

– Молодой ты еще, – махнул напарник.

– И что? Он выбрал чугунные батареи и чем-то недоволен. Хотел быстрее, нанял бы пятерых грузчиков, – прошептал Саша, – четверо бы несли, пятый двери придерживал.

В комнате было трудно дышать. Вонь пота и сигарет от Петровича ядовито смешалась с запахом красок, ацетона и какой-то старины, характерной для таких домов. Саша огляделся и напрягся. Большая комната с трёхметровыми потолками казалась тесной, неприятной. Давила. Слева захлапленные полки, с которых норовили выпрыгнуть рулоны бумаги, кисти, книги, грязные тряпки. На трех мольбертах стояли уродливые, черезчур натуральные картины. Такие, от взгляда на которые пробирает дрожь до самых костей.

На одной изображена замерзшая насмерть девушка с пронзительными светлыми глазами, покрытыми инеем. На другой сгоревшая дотла комната. С тремя людьми и соба-

кой. Опалённые черные скелеты сидят так, будто пожар застал их врасплох. На третьей тело, изувеченное падением с высоты на асфальт и не разобрать ни возраст, ни пол погибшего. Плечи Саши дернулись, шея напряглась. Он сглотнул и отвернулся от этого издевательства над искусством и зрителями.

Посреди комнаты высокий платяной шкаф скрывал часть пространства. На противоположной стене маленькие неприятные окна. Грязные, с облезлыми деревянными рамами они замерли на уровне головы и плотоядно наблюдали. «Батареи под ними?» – пригляделся Саша. Не видно. Загораживает тумбочка и облокоченные на неё белые, ещё так по-светлому чистые холсты.

Саша но чувствовал, как глаза посиневшей до смерти девушки с мольбой и невыносимой болью сверлят его затылок. Просят спасти. Или предупреждают о чем-то. Он взглянул на Петровича и покрутил пальцем у виска.

– Хозяин! – крикнул напарник и достал из нагрудного кармана свернутые, чуть ли не скомканые бумаги.

Мужчина пришел без фартука и кисти. В шелковом костюме в полоску, похожим на пижаму. Его глаза хищно сверкнули через линзу очков и посмотрели отчего-то на Сашу.

– Подпишите, что приняли. И хлам тот, – Петрович кивнул в сторону окна, – надо разобрать, иначе мы не подберемся.

– Хлам? – холодно переспросил мужчина.

– Ну вещи..., – Петрович сощурился, – что у вас там стоит, не вижу.

Хозяин резко забрал бумагу, подписал и всучил Саше.

– Завтра. В четырнадцать ноль-ноль, пожалуйста, – неприятно-учтиво сказал он, – я не намерен ждать вас ещё год.

– Про год это не к нам, уважаемый, а к начальству, – бросил Иван Петрович и направился к выходу.

«Картины ужасы девушка заморожена насмерть» – вбил Саша запрос в поисковик на смартфоне едва Иван Петрович вывез их из двора.

– Слушайте, а этот мужик всемирно известный художник...

– Ты, Саня, лезешь куда не надо.

– Никуда я не лезу, вы видели, какие глаза у той девушки? Словно живые.

– Никто не хочет умирать. Даже нарисованные люди.

Саша молчал и напарник продолжил:

– Мой сосед ест только такие бутерброды, где хлеб полностью накрыт и заставляет жену треугольники из колбасы вырезать, – он взглянул на Сашу, – у них в доме батона не бывает, слишком уж форма неровная, – как-то нервно засмеялся и резко прекратил, – мало ли в мире чудачков.

– Не хочу туда возвращаться, – Саша рассматривал сотни уродливых пугающих изображений в смартфоне, которые

вряд ли какой здоровый ум сможет вообразить, – прикроете?
– Э нет, так работа не делается. Тебя что, родители не научили?

– Я сирота, – бросил Саша.

Дальше разговор не шел. Иван Петрович молчал и только курил одну за одной.

Саша ждал напарника возле офиса управляющей компании и переминался с ноги на ногу от утреннего холода начала осени. Надо было свитер под куртку надеть. И тёплые носки. Пора ехать на первый адрес, а Ивана Петровича всё не было. Видно, «партия» в обед, на которую он вчера торопился, плавно переросла в полуночные гуляния. Саша третий раз посмотрел время на телефоне. На заставке улыбалась жена. Фото в день, когда её выписали из роддома. Измученная, но счастливая. «Да, да, ради вас я сюда и устроился» – он с тоской вспомнил прошлую работу. Десять лет ремонтировал линии электропередач. «Эээх!» – вздохнул он. Умоляющим глазам любимой женщины, что ждала его сына, отказать было невозможно. «Слишком опасно, – говорила она, – не дай Бог что, как мы без тебя?». Пришлось стать помощником сантехника.

Саша пронаблюдал как ушла еще минута, поджал губы и пошел к начальству.

– Едь сам по адресам, – холодно скомандовала худощавая женщина.

– А в два? Один не справлюсь, дайте еще человека.

– Что там? Замена радиаторов? До двух кого-то найдем.

Саша завел старенькую Ниву и поехал выполнять работу за двоих. К обеду он проголодался и свернул перекусить. Время есть. Пахло пирожками с капустой, как в детстве в столовой интерната.

«Черт бы тебя подрал, Петрович» – пробормотал он, схватил булочку с маком и пошел к машине. Позвонил напарнику. Недоступен. «Ладно-ладно, ты тут недалеко живешь, за полчаса успею».

Нива ловко свернула с главной дороги, покрутилась у домов и отыскала нужный. Уже из окна машины Саша увидел Петровича. Оплывший напарник вальяжно устроился на лавке возле своего подъезда и, сложив ногу на ногу, курил.

– Иван Петрович! – сердито хлопнул дверью Саша, – Собирайтесь, едем ставить батареи.

– Не поеду я никуда. – махнул он и отвернулся, – я отдыхаю.

– Э, нет, так работа не делается, вас что, родители не учили? – отыгрался Саша.

– Учили, Саня, да только я двоешиком был.

Он бросил окурок на асфальт, растоптал домашними тапочками и поднялся.

– Мы же напарники, третий месяц вместе, я не поеду туда один. Нет, знаете, я вообще туда не поеду.

– Не едь, – раскинул руки и пожал плечами мужчина.

От него пахло перегаром, табаком и какой-то стариковской затхлостью. Обвисшие щёки и блестящие глаза шептали, что его рассудок крепко спит и проснётся не раньше завтрашнего дня.

– Ну вы и... – Саша искал слово, чтобы не оскорбить, но всё-таки поддеть напарника.

– Кидала! – с торжеством пьяного человека взвел указательный палец Иван Петрович.

– Ясно, – цокнул Саша и открыл машину.

– Никто, Саня, не хочет умирать! А что за жизнь без развлечений?! – изрек напарник, пикнул ключем и с третьей попытки зашел в подъезд.

В половину второго Саша позвонил начальнице. Конечно, они никого не нашли. «Едь один, отключение стояка согласовано на сегодня» – сказала она и не оставила выбора.

Да, батареи он уже менял.

Да, там ничего сложного.

Да, болгарку, дрель взял. И прокладки, и краны... И вообще всё, что пригодится, у него есть.

И ещё раз «да» – эту работу можно делать одному.

Машина подкралась к воротам. Саша выскочил, нажал «2212К», заехал в арку. Вольный ветер застрял в клетки двора-колодца и кружил одинокие желтые листья от одной стены к другой. Сумка с инструментами зацепилась за что-то в багажнике, не хотела вылезать. Саша резким рывком выдер-

нул её и пошел к подъезду. Набрал «39». От нажатия цифры на домофоне недружелюбно светились красным. «Пилиииии-иу, пилиииииу» – протяжно завывало устройство. Открыли.

Распахнув рот, смотрит на Сашу камин. Одна ступенька. Вторая. Третья. Четвертая. Пятая. Бросить это всё, а? Четвертая. Третья. Вторая. Нехорошо. Нужно сегодня работу сделать и завтра говорить об увольнении. Жене цветов вчера не купил. Ладно. Тоже завтра. Третья ступенька. Четвертая. Пятая. Шестая... Пролёт. Или всё-таки...? Нет. «Иди работай!» – крикнул сам себе Саша и добрался до нужной двери.

«Тук. Тук-тук. Тук-тук-тук».

Внутри по деревянному дощатому полу зашаркали тапки. «Виииуу» – взвизгнули петли и дверь открылась. Та же полная женщина. Смотрит на него словно на собственного ребёнка, с нежностью, ласково.

– Ой, вы что-то рано, Валя ещё не готов, – расплылась она в улыбке, – но вы проходите, подождете его и в четырнадцать ноль-ноль начнёте.

«Десять минут до двух, очень даже вовремя» – хмыкнул Саша, но кивнул. Надел бахилы и пошел за женщиной. В мастерской художника царил всё тот же бардак. Из трёх уродливых картин осталась одна – с замёрзшей насмерть девушкой. Саша на мгновение застыл. Казалось, его одежда становится деревянной, волосы превращаются в ледышки, а в носу начинает щипать. Он взгляделся в её глаза и презрительно скривился.

– Где хозяин? Это надо убрать, мы так в два не начнём, – заметил он, что у окна всё ещё стоит тумбочка.

Один из холстов переместили, но недалеко, на мольберт прямо у высокого шкафа. Саша вздохнул и бросил сумку с инструментами на более-менее свободный участок пола. Женщина стояла в дверях и полностью закрывала широким туловищем проход.

– Хозяин где? Зовите его, пусть разбирает.

Дама улыбнулась, покрутила черный крашеный локон, прикусила губу и узнала:

– А у вас дети есть?

– Да, – автоматически ответил Саша, прикидывая, куда переставить тумбочку.

– Жалко, – сказала она и вышла.

С громким вакуумным хлопком закрылась дверь. Саша мысленно ворчал, будто в него вселился дух Ивана Петровича. Он ругал и начальство, и напарника, и хозяина квартиры, и эти дурацкие чугунные батареи, и тумбочку с холстами – всё, что мешало быстро выполнить работу и уехать из этого неприятного места.

– Ладно, подключу болгарку, – он огляделся в поисках розетки.

При беглом осмотре ни единой не нашлось. Саша бросил инструмент обратно в сумку и пошел звать хозяина, который всё не приходил. Взгляд зацепился о картину с девушкой. На её посиневшем лице алая, насыщенная красная кап-

ля. Кровь. Изображение дергало за ниточки его туловище, вызывало неприятные мурашки по всему телу.

«Психопат, ну кто такое рисует» – подумал Саша и толкнул дверь. Не открывается.

«Что за ерунда? – нахмурился он, – Ах, ну да. Она же внутрь комнаты, а не наружу».

Ладонь механически потянулась к месту, где обычно находится ручка, но только схватила воздух. Стоп. И где же? Как открыть? Брови нависли над глазами ещё сильнее. Он осмотрел поверхность. Нигде, ничего. Ладно.

«Тук-тук-тук» – тишина.

«Тук-тук-тук-тук-тук» – ни единого шороха.

«Хлоп! Хлоп! Хлоп!» – кажется, кто-то идёт.

– Эй, хозяйева! Дверь откройте!

Хм. Молчат. И даже замочной скважины нет, чтобы посмотреть через неё. Саша оглядел преграду с пристальной внимательностью. Крепкая. Деревянная. Ровная донельзя.

«ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП!»

– Хозяйева! Слышит меня кто-то?

Ладонь пекло от хлопков по двери. Саша опустил руки, закрыл глаза, сделал глубокий вдох, расслабился. Запахло пирожками с капустой. Сладко, приятно, будто кто-то жарит их совсем рядом. Ну да, наверное, они все на кухне и не слышат. Ладно, надо подождать. Саша почесал макушку и прошёл к окну так, чтобы не пересекаться взглядом с картиной. Уродливые грязные стёкла зависли на уровне головы. Туск-

лый дневной свет падал прямо на белоснежный холст, что стоял на мольберте.

– Тут не смотрел, – вспомнил Саша про поиск розетки и повернулся к стене у окна, которую было не видеть из-за платяного шкафа.

«Хм, и тут дверь, – озадачился он, – может, хозяин там?». Саша потянулся к деревянной, блестящей лаком ручке и помедлил. Судя по планировке дома, за стеной должен быть подъезд, а никак не другая комната. Вместо того, чтобы дёрнуть, постучал.

– Есть кто? – спросил и прислушался.

Тишина. Надо открывать. Хотя... Достал телефон. «Прости, родная, но я вернусь на прошлую работу» – шепнул он фотографии жены на заставке и позвонил начальнице.

– Приехал на замену батарей и застрял в комнате, – устало сказал Саша, – дверь изнутри не открывается, наберите хозяина, стучу, а они не слышат. И вообще розеток нет, хлам не убрали, надо переносить на другой день.

– Адрес?

Саша продиктовал.

– А ты зачем туда поехал? Вызов вчера отменили.

– Издеваетесь? Утром заходил, вы сказали человека найдете на замену радиаторов в помощь.

– У нас что, один вызов на весь район? Ты сейчас в другом месте должен быть! – разъярилась начальница, – Сообщения проверь!

– Да пофиг на самом деле, этим хозяевам позвоните, я в комнате застрял. Выйду и сразу поеду... Куда вам надо.

«Бардак, – из последних сил сохранял Саша самообладание, – везде бардак». Громко цокнув, начальница пообещала помочь. Верилось с трудом. Она была из тех слишком худых женщин, у которых вместе с килограммами уходит доброта и здравомыслие. Нервные, тревожные, они даже дышат так, будто всхлипывают.

Саша всё-таки просмотрел историю сообщений и открыл внутреннюю систему распределения сотрудников по вызовам. Нет. Везде на нём стоял именно этот адрес, где он сейчас находился. Вспомнилось народное творчество: «стою на асфальте я в лыжи обутый, то ли лыжи не едут, то ли я долбанутый». Он хмыкнул. Нет, спасибо, больше ни дня не будет работать в этой УК. Ну, две недели, наверное, придется. Но не больше.

Запахло жареным мясом, тушеными овощами. Саша вернулся к двери без ручки. Оттарабанил ладонями неровный ритм. Никаких изменений. «Топ-топ-топ» – крепкой подошвой рабочей обуви. Тоже самое. Ладно... Подошел к окну, небрежно стал на тумбочку, выглянул на улицу. За мутными стёклами не разобрать даже куда они выходят, одни нечеткие силуэты.

Выбора нет. Придётся открывать странную дверь за шкафом. У неё хотя бы ручка есть. Саша пожал плечами и на всякий случай взял в руки дрель. Внутри оказалась диковинная

комната с низким потолком, которая походила на инсталляцию «Как жили купцы Древней Руси». На широком дубовом столе тарелки, кувшины и множество еды. Пирожки, большая запеченная туша птицы, крупно нарезанный картофель, кабачковая икра, что-то еще. Но Саша не успел разглядеть. Увидел знакомое лицо.

– Да лаааадно, – усмехнулся он.

Внутри на массивном деревянном стуле сидел Иван Петрович.

– Шустро же вы. Почему не вышли когда я хозяев звал? – удивление сменилось тревогой.

Мужчина не отвечал, только улыбался. Саша нахмурился и не переступал порог.

– Сейчас вернусь, – он поджал губы и вышел из комнаты.

Захлопнул дверь. Позвонил Петровичу и с той стороны раздалась ламбада.

– Заходи, Валентин Евграфыч накрыл поляну, чтобы извиниться, что хлам не убрал, – ответил напарник на звонок и его голос одновременно слышался из-за двери и в телефоне.

«Валентин Евграфыч...? Поляну... В два-то часа дня» – метались беспокойные мысли.

– Поступим иначе, – сам себе сказал Саша.

Он бросил дрель в сумку с инструментами и вернулся в комнату с накрытым столом.

– Иван Петрович, давайте вы встанете и мы вместе уйдем отсюда. Найду розетку, подключим болгарку...

Но напарник уже наливал из мутного графина в стопку прозрачную жидкость. И это явно была не вода.

– Да идемте же!

Саша подошел к Ивану Петровичу, отодвинул от него рюмку и схватил за руку. Мужчина заворчал и потянулся за спиртным. Он оказался вдрызг пьяным, глаза мутные, язык заплетался. И когда успел? На звонок нормально отвечал...

«Не хочешь сам, я тебя отсюда вытащу» – Саша подумал, что надо чем-то подпереть дверь и достать напарника из этой комнаты соблазнов. Он развернулся и замер. Зажмурился. Открыл глаза. Похлопал веками.

Двери.

Не было.

Будто и не существовало вовсе.

Вместо неё глухая бревенчатая стена. Массивная, крепкая, без единого намёка на какой-либо проём. Саша насто-роженно подкрался ближе. Внимательно присмотрелся. Лицо сжалось, напряглось. Он протянул ладони, ощупал одно бревно, другое, третье. Мелкие сучки, шероховатости, неровности и ни единого прореза, намекающего хотя бы на подобие двери.

– Что за чертовщина, Петрович! – крикнул он и повернулся к напарнику.

Но.

И его.

Не было.

– Да ёлки-палки! – хлопнул по карману, достал телефон.

– Звони, звони, давай, звони, – пробормотал он, набрал Петровича, за ним начальницу, других коллег, но вызовы не проходили.

– И нафига мне эта поляна, я пожрать и дома могу! – крикнул он неизвестно кому.

Каждую частичку, каждый орган тела заполнила ярость. Красная, как фартук художника вчера. Как мигающие кнопки домофона. Как полоса крови на щеке замороженной на смерть девушки на картине. Он стучал, носился по комнате, заглядывал под стол, двигал массивные деревянные стулья в попытках найти выход.

– Тут! Была! Чертова! Дверь! – доказывал он себе.

– Сядь и успокойся, – ответил рассудок, – Надо подумать.

Стул затарахтел ножками по деревянному полу. Саша сел, облокотился на спинку. Закрыв глаза, сделал глубокий вдох. «Что происходит?» – подумал он и решил, может спит. Ущипнул себя. Больно. Жаль. Значит, взаправду. «Так, ещё раз, – пробежал глазами по окружению, – одна стена, вторая, третья, четвертая».

«Там, – указал он на ту, что впереди, – была дверь, а теперь нет». Иллюзия? Но тогда осязание бы не обманывало. Может, в комнате художника пахло не красками... Наркотики? Если так, нужно подождать, пока очнешься. Этот вариант показался наиболее вероятным. Других идей всё равно не было.

Ногам стало прохладно, как-то мокро. Саша посмотрел вниз и понял, что пол затопило водой по щиколотку. От неожиданности он вскочил и вжал голову в плечи. Этого еще не хватало! Какая же дурость... Если бы не Петрович, не зашёл бы сюда...

Так-так-так... Петрович. Давай попробуем позвонить еще раз. «Пилю» – обрывается. Отправить сообщение. Не выходит. Безумие, это всё какое-то воплощенное безумие. Вода слишком быстро заполняла комнату. Уже почти по колено. Как она не выливается через щели в полу? Точно! Черт, не надо было оставлять дрель в той комнате. Инструмент всегда должен быть под рукой. Саша опустился на колени, джинсы моментально промокли, но он не обращал внимания. Он попытался просунуть мизинец в щель в полу. Не выходило. Хотя бы ногтем зацепиться, поддеть! Как-то отодрать доски!

– Нет, – он опустил руки.

Собрался с силами. Вскочил, снова обошел все стены, ощупал каждый метр. Выхода нет.

– Валентин! Как тебя там! Евграфович! Харе шутить! Выпускай! Меня! Отсюда! – кричал Саша в потолок.

Он поднимал массивные стулья и пытался швырять их в стену, но те, кажется, были тяжелее, чем чугунные батареи. Он взял стеклянный графин и метнул в бревна. Осколки с плеском приземлились в воду и замерли словно камни на дне моря.

Комната стремительно затапливалась. Как корабль, кото-

рый идет ко дну. Зеленый лук, петрушка с укропом поднялись со стола и плавали по поверхности кристально прозрачной воды. Саша с трудом перемещался по комнате, с тревогой оглядывал слишком низкий потолок. «А может быть...?» – он скинул со стола тарелку с картошкой и заскочил. Надо было сразу так сделать, меньше бы намок. Вытянутыми руками он ощупал доступную поверхность. Перед мысленным взором уже появилась радостная картина: он находит какой-то рычаг и выпадает лестница со ступенями. Десяток шагов и он на свободе.

И снова нет. Ничего. Он опустил руки. Взгляд вяло бродил по тарелкам с изящным цветочным узором.

«Жене цветов не купил...»

Не бывает же так, чтобы двери сами исчезали?

– Не бывает!!! – заорал он во всю глотку, – Вы! Уроды!

Выпускайте меня!

Голова гудела, словно паровая машина. Думалось, что у каждого издевательства должен быть предел. Что снаружи наблюдает толпа и кто-то из них обязательно скажет «хватит, выпускайте». Но ни камер, ни чего-либо похожего не было. Брёвна стен, деревянная мебель, плавающие пучки петрушки, осколки графина. И шелест воды от Сашиних медленных передвижений.

Даже на столе его уже затопило по грудь. На поверхность поднимались куски размокшего теста от пирожков, жир от запеченной птицы. Мгновение и уже по горло. Саша поднял

руки. В одной он держал телефон, другой пробовал звонить всем знакомым. Должен же хоть кто-то услышать его, помочь.

Нет.

Бессмысленно.

Подбородок в воде. Теперь плечи.

Смс жене: Люблю вас. Берегите себя.

Напечатал. Не отправлено.

Может, дойдет когда-нибудь... Может...

Нет!

Не сдаваться!

Он.

Никогда.

Не сдаётся.

Вода дошла до локтей вытянутых рук. Холодная. Скользящая. Тяжёлая намокшая одежда тянет вниз.

Саша освободил телефон от чехла и достал небольшой бумажный квадратик. Фотография сына. «Папа что-нибудь придумает» – пробормотал он и крепко сжал её в кулаке.

Запястья уже в воде. Саша расслабил ладонь с телефоном. «Плюх» – издевательски-весело пошел он ко дну. Бесполезная железка.

«Думай, Саня, думай!» – он разулся и занырнул к полу. Может быть, это как испытания в древних гробницах – вода заполняет помещение и где-нибудь внизу открывается проход. Но... Стоп. Откуда-то же она должна литься? В душе

зародилась искрящая наивная надежда. Он решил, что вот-вот найдет шанс на спасение. С зажатой в кулаке фотографией было трудно под водой, но он не выпускал её. Есть у каждого нечто святое, что он не оставит ни при каких обстоятельствах.

«Дурак, дурак, – подумал он после нескольких занырывающих, – если бы откуда-то хлестал поток, я бы заметил». Дыхания надолго не хватало.

Вниз. Вверх. Вниз. Вверх. Он уже не доставал ногами до стола когда всплывал. До потолка оставалось сантиметров десять жизненно необходимого воздуха. Вода и тянула вниз, и давила одновременно. Ни кричать, ни говорить уже не получалось. Сбивчивое дыхание, неровный ритм. Саша жадно хватал ртом ещё доступный кислород.

Он нырнул в очередной раз и распахнул глаза от удивления. На том месте, где была исчезнувшая дверь, появилось зеркало. Из него смотрел молодой темноволосый парень с острым подбородком, широким носом, беспокойными глазами и крепко сжатым кулаком. Там было самое ценное. Куртка, джинсы, футболка казались воздушными, легкими, но Саша чувствовал, как они тянут его ко дну. Он всплыл, сделал глубокий вдох. Насколько смог. Опустился к столу, с трудом столкнул птицу с металлического подноса, схватил его свободной рукой.

Размах.

Издевательство. Инерции предмету под водой не придавать.

Вынырнуть.

Сантиметров пять воздуха. Жадный вдох ртом. Задержать дыхание.

Внииииз.

Найти бы что-то потяжелее. А толку? Ни поднять, ни бросить. Снова поднос.

Руку завести назад.

Рывок.

Рывок!

Рывок!!

Вялое движение стукнуло по гладкой поверхности. Безрезультатно. Даже не поцарапало зеркальную гладь.

Всплыть. Вода давит. Давай, давай!

Остаётся не больше сантиметра кислорода.

Рот открывается три раза, хватает, что удаётся.

Нырнуть снова. Попробовать ещё раз. Зеркала должны биться легко.

Размах...

Нет.

Это какое-то фигурное плавание, а не борьба...

Вверх...

Лоб бьется о потолок, ладонь стучит по мокрому дереву, но воздуха...

Больше.

Нет.

Вода заполнила всё.

Голова вправо.

Влево.

«Что же вы делаете, уроды?»

«Почему я?»

«Никто не хочет умирать» – в голове голос Петровича.

«И я... Не хочу» – говорит угаснувшая надежда.

Вода заполняет носоглотку.

Кашель предательски выбрасывает пузырями остатки воздуха из лёгких.

«У вас есть дети?» – спрашивала полная женщина.

Грудную клетку сдавило.

Глаза закрылись.

«У меня же сын...» – мысленно отвечает ей Саша и всё темнеет.

Голова ударилась о потолок и тело пошло ко дну. Крепко сжатый кулак обмяк. Из него выплыла и замерла под водой фотография младенца с розовыми щёчками и подписью «Лёвушка, 3 месяца».

Седовласый художник закончил картину и положил кисть с номером «1» на табурет рядом с холстом. В мастерской было душно, сыро, пахло тиной. Из окна падал свет уличного фонаря. Такой тусклый, что казалось, он не хочет смотреть на холст.

За спиной художника стоял статный мужчина в чёрном пальто до колена, шляпе и в перчатках. Он с прищуром раз-

глядывал изображение. Оценивал. Вода придавала мебели на холсте приятный голубоватый оттенок. Кусочки теста, яркие стрелы лука, ветвистая петрушка, кубики кабачков, тонкие ломтики красного перца гармонично застыли в деревянном аквариуме. Цвет кожи утопленника был тусклым, сероватым, но всё же ещё живым. Казалось, он вот-вот распахнет глаза и посмотрит на них. Или на фотографию, к которой была повернута его голова.

– Валентин..., – задумчиво сказал он, не отрывая взгляда от холста, – Ты уверен, что с этим не будет таких же проблем, как с девушкой?

Художник поёрзал на стуле. Резко схватил кисть, набрал белого и добавил блики на фотографии младенца.

– Так лучше, живее.

– Валентин?

– Нет, нет, – суетливо пробормотал художник, – нет-нет-нет, не будет.

– Ладно. Кое-кто очень важный ждал этой работы год.

– А хорошо с ребёнком вышло, да? – спросил творец и сощурился разглядывая яркие цвета детского лица на картонке.

– Да. Добавляет объема, – кивнул гость, похлопал художника по плечу и вышел из комнаты.